

Аркадий ВАЙНЕР:

Наш «черноземный» детектив читателю роднее

У нас в стране, наверное, самые общественно активные литераторы: они постоянно организуют и разваливают союзы, пишут коллективные письма и даже иногда устраивают потасовки. Но в данном случае речь, хвала Аллаху, не о них.

Аркадий Вайнер, вместе со своим братом Георгием, особенно бурной деятельности в указанном направлении вроде бы не развивал. Но вот появилось сообщение, что он обнаружен среди членов «Леонардо-клуба», вместе с ним в этой организации пребывают такие видные представители: Василий Смыслов, Владимир Маслаченко, Станислав Говорухин. Пришлось задать (с удовольствием) отцу Глеба Жеглова несколько вопросов.

— Аркадий Александрович, как так случилось, что вы оказались «действительным членом» этого клуба?

— Ну, наверное, прежде всего потому, что я проявляю интерес к деятельности самой этой организации — института Леонардо и нахожу ее полезной. Начинали-то они с организации шахматных турниров для юных дарований, а я — давний и надежный поклонник шахмат.

— Сам играете?

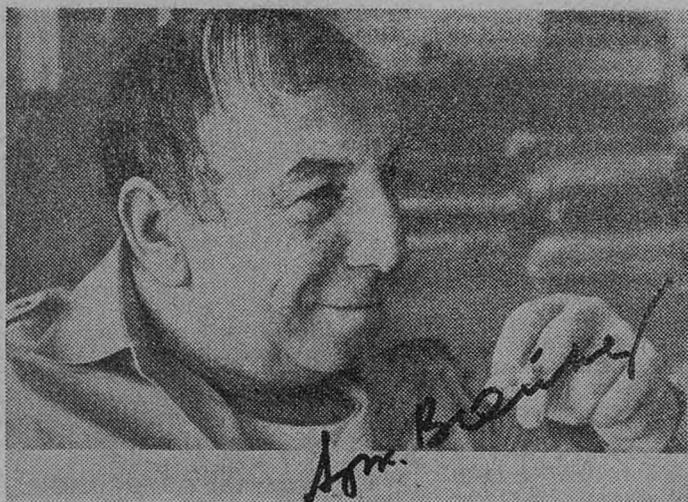
— Сам играю, но я-то играю скромно, собственно говоря, хотя мне доводилось давать сеансы одновременной игры сразу нескольким чемпионам мира по шахматам. Другое дело, чем эти сеансы заканчивались.

— Ну на ничью хотя бы вытягивали?

— Бось, что нет. Но сам процесс был очень интересным. Вот на этой почве я втянулся в деятельность института. И мне кажется, лауреаты «Леонардо-премии» выбраны достойные.

(Дело в том, что в этом году, в ноябре, состоится торжественное вручение первой премии, учрежденной институтом Леонардо. Получат ее известные меценаты и организаторы в области гуманитарных знаний: Тел Тернер, Хуан Антонио Самаранч, Виталий Смирнов и два шахматных спонсора — Луис Рентеро и Йоб Остером).

— Давайте мы от дел общественных перейдем к делам кинематографическим и литературным. Сейчас уже ясно, что «Место встречи изменить нельзя» стал культовым фильмом. Говорят, «митьки» в Питере даже устраивали экзамен

на знание картины. Может быть, вы таким его и задумывали?

— Конечно, ничего подобного мы сознательно не замыслили. Такие вещи или получаются, или не получаются. Единственное, что нас энергично подвигало на съемках, был уже определившийся успех романа «Эра милосердия», положенного в основу фильма. Кто-то уже видел в Жеглове национального героя, кто-то, из наиболее прозорливых и разумных, отдавал себе отчет, по какому пути Жеглов должен пойти дальше, раз он позволял себе такое свободное обращение с законом.

— Высоцкий в роли Жеглова переигрывает Кошкина в роли Шаранова, то есть в итоге непокорный следователь выглядит более убедительным и привлекательным.

— Да, это неоспоримый факт, но так произошло сознательно и абсолютно закономерно, потому что закон литературы вообще, а приключенческой особенно, заключается в том, что отрицательный персонаж интереснее положительного, который укладывается в общепринятые рамки поведения, морали, поступков, слов. А привлекает тот, кто выходит за эти рамки.

Кстати, замечу, что по тогдашним литературным канонам надо было показать руководящую роль партии в описываемых событиях. Не без гордости скажу, что слово «партия» во всех ста томах наших «партийных книжек» не было использовано ни разу. Кроме, разумеется, наших подпольных романов «Евангелие от палача» и «Петля и камень в зеленой траве».

— В «20 правилах детектива» С. Ван-Дайна сказано, что в романе преступником не должна выступать банда, мафия, что убийство должно быть камерным делом, а убийцей лучше всего сделать старую деву. Как вам нравятся такие ограничения канонического детектива?

— Никак они мне не нравятся, потому что с самого начала, с нашей первой повести, мы напрочь, не обладая никаким писательским образованием, отвергли даже самую возможность постановки неких правил литературного произведения. Если что-то создается по правилам, то это находится, по нашему глубокому убеждению, вне литературы. Ради игры можно, конечно, придумать правила. И мы не отвергаем чье-то желание заниматься этими литературными играми, но сами в них не участвуем.

— Значит ли это, что для вас в литературе отношения между людьми гораздо интереснее, чем чистая загадка, тайна?

— Несмотря на нашу репутацию детективистов, сама тайна, сам детектив имеют для нас второстепенное значение, хотя это не значит, что мы пренебрегаем им. Но главная задача, стоящая перед любым романистом, — это человеческие судьбы, конфликты. А происходит у нас все это на криминальном материале потому, что, во-первых, мы специалисты в этом, у нас все бы труднее и хуже получалось, если бы мы перенесли действие в сельское хозяйство, в котором довольно слабо «волокем». А во-вторых, для людей криминальная атмосфера го-

раздо интереснее, так уже человек устроен, что все небанальное его больше трогает.

— Вы не интересовались у братьев Стругацких, отличаются ли их методы совместного письма от ваших?

— Интересовались, мы их очень любили. А творческий метод был примерно такой же, как у нас: обговаривалось то, что должно написать, и каждый пишет свою часть. Мы, кстати, даже начинали писать общую повесть, вдохновленные моей идеей, что в мире еще не было книги, на обложке которой значились бы две пары братьев.

— В чем идея заключалась?

— Идея была, как всегда, антисоветская, но скрытая такая, завуалированная, басенная. Появление некоего инопланетянина, будем говорить, Мефистофеля в советском обществе, где он под разные благи искушает советских людей в антисоветском направлении.

— А какой роман вы сейчас пишете?

— Мы пишем большой роман. И если мне будет позволено сказать и не сочтено нескромным, то это — российская «Сага о Форсайтах». Семейный роман.

— Известно, что Чейз писал свои романы об Америке, располагая только путеводителями. Не забавляет ли вас мысль написать нечто о, скажем, Латинской Америке, пользоваться тем же методом?

— Нет, нет. Дело в том, что для романов Чейза, большинство которых я сам с удовольствием читаю, и не нужно бывать там, где происходит действие. «Персонаж проехал по Бонд-стрит и свернул на 5-ю авеню», если тут он не напугает, тогда все о'кей. Наши же романы (все, без исключения) живой пуповиной связаны не только с временем, с конкретными людьми, но с нашей землей. У нас этот номер с путеводителем не пройдет. Наши персонажи — не абстрактные люди, которые являются составными частями криминальной загадки, а, смею надеяться, живые люди из плоти и крови, со своим социальным бытием, а это возможно написать только про то место, которое ты хорошо знаешь и любишь.

— Значит, по-прежнему место встречи изменить нельзя?

— Никким образом.

Александр МОНАХОВ.

Фото Игоря САМОХВАЛОВА.